

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ С С С Р

О. А. ГАНЦКАЯ, Л. Н. ТЕРЕНТЬЕВА

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ В ПРИБАЛТИКЕ

Исследования проблем современного национального развития народов Советского Союза — одна из актуальных задач советской этнографии. Эти исследования — в то же время часть большой совместной работы советских ученых разных специальностей. Они направлены на выявление общих закономерностей национального развития народов СССР в период развернутого строительства коммунизма и особенностей проявления этих общих закономерностей у отдельных народов.

Исследования современных национальных процессов у народов СССР тесно связаны с изучением их этногенеза, прошлой этнической истории и сложившихся между ними культурных связей.

Для разработки поставленных проблем первостепенное значение имеют комплексные исследования этнографов, археологов, лингвистов, социологов и представителей других гуманитарных наук. В настоящее время эти исследования получили особенно широкий размах. Совместными усилиями ученых АН СССР, республиканских академий наук и ряда музеев они проводятся в Средней Азии, на Кавказе, в Поволжье и Приуралье, в районах Крайнего Севера, Южной Сибири и Дальнего Востока. Составной частью этих исследований являются работы в республиках Советской Прибалтики. В первые послевоенные годы начало работ по этнической истории Прибалтики было положено П. И. Кушнером. Именно прибалтийские материалы послужили основой для его монографии «Этнические территории и этнические границы», представляющей первое теоретическое исследование по этим вопросам¹.

Исследованию исторически сложившихся культурных связей латышского и русского народов посвятил ряд работ Р. А. Пельше (Латвийская ССР)².

С 1952 г. изучение проблем этногенеза, этнической истории и культурных связей народов Прибалтики стало планомерно проводиться Балтийской антрополого-этнографической экспедицией Института этнографии АН СССР. В 1952—1953 гг. в восточных районах Эстонии, Латвии и Литвы и смежных с ними районах РСФСР и БССР по этим

¹ См. П. И. Кушнер (Кнышев), Этнические территории и этнические границы, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», нов. серия, т. XV, М., 1951.

² Наиболее крупной из «их» является монография Р. А. Пельше: R. A. Pelše, Latviešu un krievu kultūras sakari, Rīga, 1951.

темам собирал материалы Западный отряд Русской экспедиции Института этнографии. В той и другой экспедициях вместе с сотрудниками Института этнографии АН СССР участвовали этнографы Прибалтийских республик. В 1955 г. Балтийская экспедиция была реорганизована в Прибалтийскую комплексную экспедицию. В отрядах этой экспедиции и теперь совместно и по общему плану работают этнографы Института этнографии АН СССР, институтов истории академий наук и музеев Прибалтийских республик.

Вместе с тем, исследования по проблемам этногенеза, этнической истории и культурных связей народов Прибалтики осуществляются и самостоятельно экспедициями научных учреждений Литовской, Латвийской и Эстонской ССР.

Ограничиваясь в настоящей статье лишь этнографическими исследованиями (не касаясь специальных исследований археологов, антропологов и лингвистов), отметим прежде всего, что до последнего времени главное внимание в них уделялось материальной культуре литовцев, латышей и эстонцев, равно как и материальной культуре русского и белорусского старожильского населения Прибалтики и смежных областей РСФСР и БССР³.

Большой материал накоплен для освещения исторически сложившихся культурных связей между народами Прибалтики, а также связей этих народов с их соседями (особенно славянскими народами). Прослежены этнические процессы, протекавшие в Прибалтике в разные исторические эпохи⁴. Однако до недавнего времени оставались почти совершенно не затронутыми вопросы, касающиеся современных национальных процессов у народов Прибалтики, а также характера национальных взаимоотношений, складывавшихся у них в условиях социалистического строя. Для республик Советской Прибалтики, ставших позднее других республик СССР на путь социалистического развития, изучение этих вопросов особенно важно. Результаты исследований могут быть использованы не только для научных целей, но и для практики социалистического строительства, они могут способствовать интернациональному воспитанию трудящихся Прибалтийских республик. Институт этнографии АН СССР за последние годы уже проделана некоторая работа в области этих исследований. Собран и систематизирован материал о национальном составе населения Литовской, Латвийской и Эстонской ССР и его динамике.

Помимо полевых этнографических материалов в научный оборот введены сведения, почерпнутые из обширных архивных источников, данные переписей населения, обобщены материалы массовых статисти-

³ См. передовую статью в журн. «Сов. этнография», 1960, № 3, а также А. И. В и ш я у с к а й т е, Этнографические исследования в Литве в 1940—1960 гг., там же, стр. 134—138; М. К- С т е п е р м а н и с, Развитие этнографической науки в Советской Латвии, там же, стр. 139—144; А. О. В и й р е с, Эстонская советская этнография (1940—1960), там же, стр. 145—151; Г. П. С т р о д, Развитие и ближайшие задачи латвийской этнографии, «Сов. этнография», 1963, № 2; «Arheologija un etnografija. Rakstu krājums», 1—6, Rīga, 1957—1964; L. D u m p e, Rāzas novākšanas veidu attīstība Latvijā (No senākiem laikiem līdz XX gs. sākumam), Rīgā, 1964; «Abriss der estnischen Volkskunde», in Zusammenarbeit mit Fachgenossen herausgegeben von H. Moora und A. Viires, Tallin, 1964; «Etnograafia Muuseumi aastaraamat» («Ежегодник этнографического музея»), XVIII—XIX, Tallinn, 1962—1964; К. И. Т и х а з е, Народное зодчество Эстонии, Л., 1964; В. К. М и л ю с, Библиография литовской этнографии за 1947—1964 гг., «Сов. этнография», 1965, № 5.

⁴ См. Х. А. М о о р а и А. Х. М о о р а, К вопросу об историко-культурных подблестах в районах Прибалтики, «Сов. этнография», 1960, № 3, стр. 21—51; А. М о о г а, .Peipsimaa etnilisest ajaloost, Tallinn, 1964.

ческих обследований⁵. Опубликована карта современного этнического состава населения Литовской, Латвийской и Эстонской ССР⁶.

Начаты массовые этнографические обследования семей городского и сельского населения, необходимые для изучения процесса образования смешанных в национальном отношении семей и формирующегося их бытового уклада.

В настоящей статье обобщаются предварительные итоги этнографического изучения некоторых особенностей современных национальных процессов в республиках Советской Прибалтики. Материалом послужили данные Всесоюзной переписи населения СССР 1959 г., статистические сведения анкетного обследования, проведенного авторами в ряде пунктов Литовской, Латвийской и Эстонской ССР, а также их полевые сборы.

* * *

Прибалтийские советские республики относятся к районам Советского Союза с наиболее компактным расселением коренных национальностей. Как свидетельствует помещенная в настоящей статье карта, другие национальности компактно расселены главным образом в восточных районах Прибалтики, где они представлены сельским населением. Они составляют также, как будет показано ниже, и значительную часть жителей прибалтийских городов.

Характерной чертой расселения литовцев, латышей и эстонцев является то, что они в подавляющем большинстве живут в пределах своих республик (см. табл. 1)⁷.

Таблица 1

Расселение литовцев, латышей и эстонцев в республиках СССР
(в %)

	Живет в своей республике	В других Прибалтийских республиках	В РСФСР	В других республиках СССР
Литовцы	92,5	1,4	5,3	0,8
Латыши	92,7	0,7	5,9	0,7
Эстонцы	90,3	0,5	8,6	0,6

Более подробные данные о национальном составе Литовской, Латвийской и Эстонской ССР представлены на диаграмме. Из трех Прибалтийских республик наиболее смешанной в отношении национального состава, как видно из диаграммы, является Латвийская ССР, где латыши составляют 62% общей численности населения, в то время как в Эстонской ССР эстонцев — 74,6%, а в Литовской литовцев — 79,3%.

⁵ Материалы о народах Советской Прибалтики содержатся в гл. IV — «Народы СССР» обобщающего труда «Численность и расселение народов мира» (серия «Народы мира. Этнографические очерки»), М., 1962, стр. 59—89, а также в главе «Население и природа» (автор В. И. Козлов) тома «Народы Европейской части СССР», I (серия «Народы мира. Этнографические очерки»), М., 1964, стр. 13—25 и в главах «Литовцы», «Латыши» и «Эстонцы» тома «Народы Европейской части СССР», II (серия «Народы мира. Этнографические очерки»), М., 1964, стр. 9—309 (сведения об авторах очерков даны в предисловии книги, стр. 7).

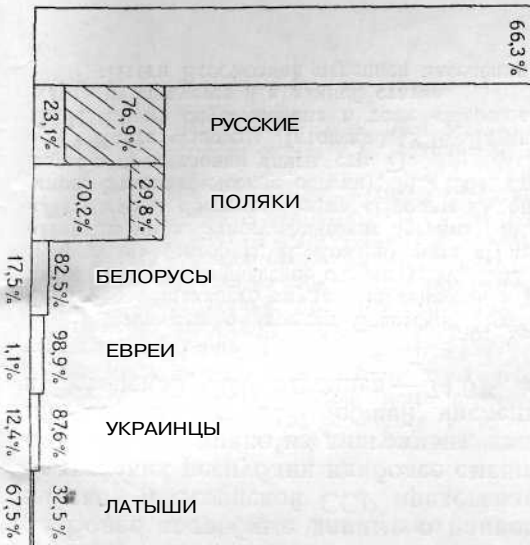
⁶ Карта «Народы Литовской ССР, Латвийской ССР и Эстонской ССР» (автор С. И. Брук) опубликована в томе «Народы Европейской части СССР», II, стр. 17. Карта публикуется и в данной статье.

⁷ «Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г.», М., 1962.

ЛИТОВСКАЯ ОО

ли 08.1

число лиц	в % к ит-ду
2 711 485	100
2 150 767	79,3
231 019	8,5
230 037	8,4
802 81	29,5
8 872	0,3
17 892	0,7
6 818	0,2

ЛАТВИЙСКАЯ ОО

латыши

число лиц	в % к ит-ду
2 293 881	100
1 293 881	56,4
595 448	25,9
61 529	2,7
52 734	2,3
3 259 2	1,4
2 233 3	0,9
21 440	0,9
4 610	0,2
400	0,0

ЭСТОНСКАЯ ОО

эстонцы

число лиц	в % к ит-ду
1 196 791	100
892 000	74,6
242 227	20,2
1 869,0	0,1
1 2769	0,1
1 030	0,0
5 436	0,0
2 888	0,0
2 258	0,0

городское население
 сельское население

Из других национальностей наиболее многочисленны во всех трех республиках русские. Белорусы занимают второе место по численности в Латвийской ССР и третье в Литовской ССР, в Эстонской ССР число их незначительно; поляки живут главным образом в Литовской, а также в Латвийской ССР, украинцы — в Латвийской и Эстонской ССР. На диаграмме отмечается также процентное соотношение каждой национальности в городах и сельской местности.

Значительный интерес представляют данные о численном соотношении групп городского и сельского населения и об их национальной принадлежности.

Латвийская и Эстонская ССР относятся к союзным республикам с наиболее высоким процентом городского населения (см. табл. 2)⁸. В Литовской ССР процент городского населения относительно ниже. Однако, как видно из таблицы, по интенсивности роста городского населения за годы Советской власти Литовская ССР не отстает от двух других республик.

Национальный состав городского и сельского населения Латвийской, Литовской и Эстонской ССР Представлен на таблицах 3 и 4.

Сопоставление данных о национальном составе городского и сельского населения Литовской, Латвийской и Эстонской ССР свидетельствует, как уже отмечалось выше, о том, что наибольшее число инонационального населения сосредоточено в городах, а также о том, что наиболее смешанным в национальном отношении является городское население Латвийской ССР. Там число латышей в городах составляет немалым более половины общего числа городского населения. Наиболее однородно в национальном отношении городское население Литовской ССР, две трети которого — литовцы. В Эстонии эстонцы составляют 62% общего числа городских жителей.

Особенно смешанным по своему национальному составу является население главных городов Литовской, Латвийской и Эстонской ССР (см. табл. 4).

Среди других крупных городов немало таких, где преобладает основная национальность данной республики. Это, например, в Литве — Каунас, где литовцы составляют около 82% населения, в Эстонии — Тарту, в Латвии — Цесис, Валмиера и др. Вместе с тем есть и такие города, где инонациональное население преобладает в еще большей степени, чем в главных городах (например, Даугавпилс в Латвии, Нарва в Эстонии).

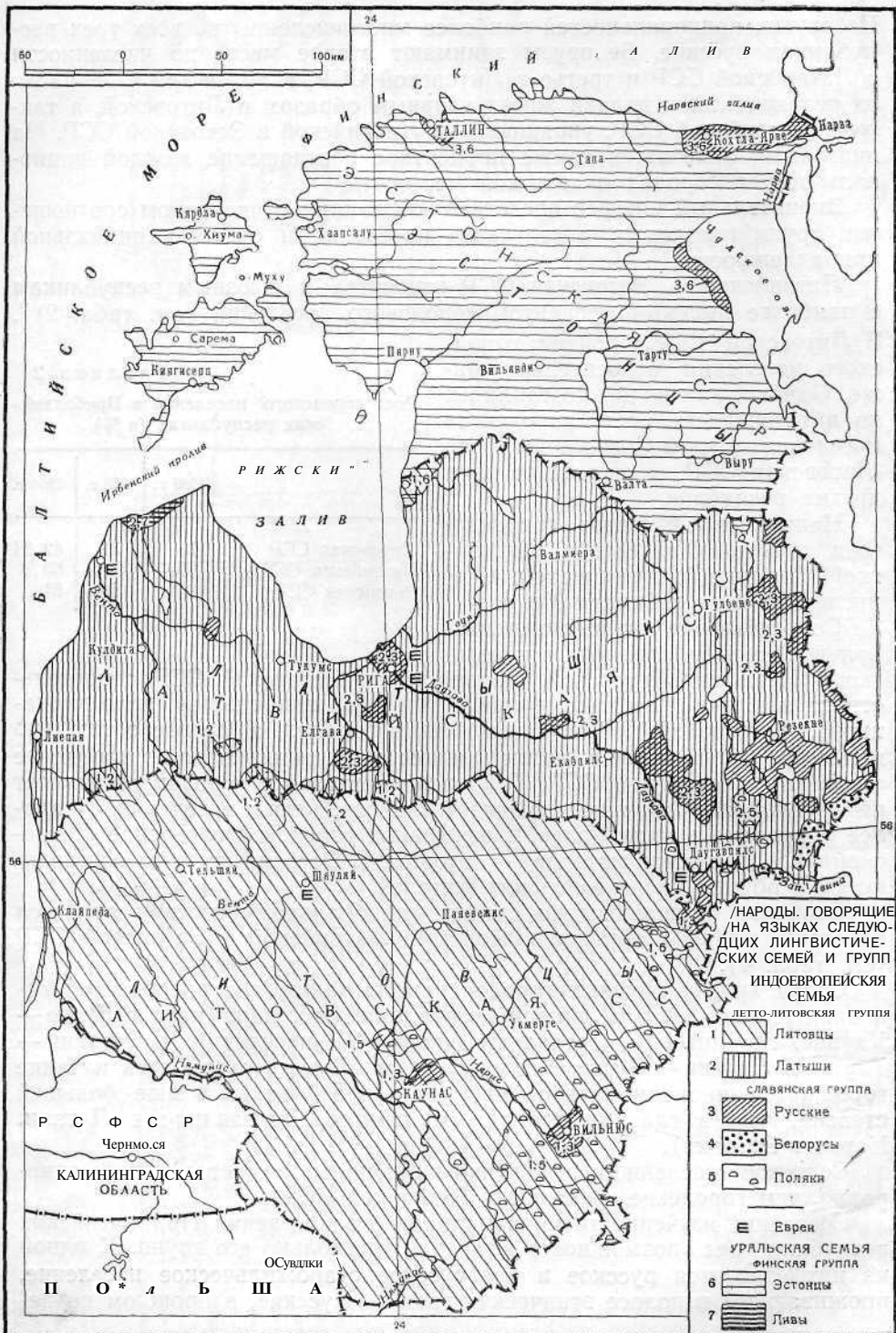
Сельское население в отношении национального состава более однородно, чем городское, особенно в Эстонской ССР.

Состояние изученности инонационального населения Прибалтийских республик дает возможность выделить несколько его групп. К одной из них относится русское и белорусское старожильческое население, проживающее в полосе этнических границ. Русские, в прошлом по ве-

Таблица 2
Рост городского населения в Прибалтийских республиках (в %)

	1939 г.	1959 г.	1964 г.
Литовская ССР	23	39	42,81
Латвийская ССР	35,3	56	60,3
Эстонская ССР	34	56	61

⁸ При составлении табл. 2—4 и диаграммы были использованы следующие материалы: «Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г.», — Эстонская ССР, М., 1962, стр. 11; Литовская ССР, Вильнюс, 1963, стр. 17; Латвийская ССР, М., 1962, стр. 11; «СССР. Административно-территориальное деление союзных республик», М., 1965, стр. 431, 445, 475.

Народы Литовской, Латвийской и Эстонской ССР

Таблица 3

Распределение населения Литовской, Латвийской и Эстонской ССР по национальности (%)

	Литовцы	Латыши	Я х о &	Русские	Поляки	Белорусы	Евреи	Украинцы	Финны	Прочие	Всего
Городское население											
Литовская ССР	69,11	—	—	17,00	6,56	2,39	2,33	1,48	—	1,13	100
Латвийская ССР	1,20	51,64	—	34,46	3,24	2,96	3,08	2,21	—	1,21	100
Эстонская ССР	—	—	61,92	30,76	—	1,46	0,78	2,03	1,27	1,78	100
Сельское население											
Литовская ССР	85,73	—	—	3,19	9,70	—	—	—	—	1,38	100
Латвийская ССР	1,99	75,21	—	16,52	2,36	2,92	—	—	—	1,00	100
Эстонская ССР	—	—	91,01	6,22	—	—	—	—	1,17	1,64	100

Таблица 4

Распределение населения по национальности в главных городах Литовской, Латвийской и Эстонской ССР (в %)

Города	Литовцы	Латыши	Эстонцы	Русские	Поляки	Белорусы	Украинцы	Евреи	Финны	Прочие	Всего
Вильнюс	33,62	—	—	29,40	20,00	6,93	2,79	—	—	7,26	100
Рига	0,95	44,66	—	39,45	2,76	3,20	2,81	5,01	—	1,16	100
Таллин	—	—	60,24	32,04	—	1,31	2,58	1,32	0,59	1,92	100

Примечание. К прочны отнесены Е Вильнюсе евреи, татары, цыгане; в Риге — эстонцы, татары, армяне, хшгане и др.; в Таллине — поляки, ЛП-ЛОЕЦЫ, (ата)ь и др.

роисповеданию православные, населяют северо-восточные районы Эстонии, восточные районы Латвии; белорусы — в прошлом православные и католики — живут в юго-восточной Латвии и в восточных районах Литвы. Другая группа — это потомки русских старообрядцев, бежавших в Польшу в XVII.—XVIII вв. из центральных и северных губерний России от религиозных преследований. Основная их масса компактно расселена в восточных районах Латвии и Литвы и является сельскими жителями. Выделяется также группа населения, которая ведет свое происхождение от русских переселенцев второй половины XIX в. Одни из них добровольно прибыли в Прибалтику из западных губерний царской России и купили там земли у помещиков и казны или же устроились на работу в городах, другие были принудительно переселены царским правительством с целью русификации края. Эти переселенцы, в отличие от других названных восточнославянских групп, представляли собою не компактное, а рассеянное население, значительная их часть оседала уже не в сельской местности, а в городах. В конце XIX — начале XX в. кадры промышленных рабочих прибалтийских губерний в значительной мере пополнялись также русскими, белорусами и украинцами, прибывавшими из других губерний России. В числе инационального населения значительный процент приходился на долю евреев — преимущественно жителей местечек, частично-городов, а также немцев, живших в городах.

Существенные изменения в общем национальном составе населения Прибалтики, равно как и в соотношении городских и сельских жителей,

произошли за время первой мировой войны. В связи с эвакуацией промышленных предприятий из Прибалтики во внутренние губернии России выехало подавляющее большинство рабочих, среди которых значительную часть составляли русские, украинцы и белорусы.

В годы буржуазной диктатуры национальный состав населения Прибалтики оставался почти стабильным. Колебания в численности русского, белорусского и украинского населения были незначительны, если не считать некоторого притока в Латвию сельского хозяйства рабочих — белорусов из Польши, с которой у латвийского буржуазного правительства имелись договоры на поставку рабочей силы.

По данным переписи населения 1935 г., обработанной и опубликованной П. И. Кушнером, русские в Латвии составляли немногим более 20% общего числа населения (206,5 тыс. чел.), из них в городах жило 25% и в сельских местностях — 75%, число белорусов равнялось 1,4% (26,8 тыс.) от общей численности населения; украинцы переписью не выделены и отнесены, по-видимому, к русским. Их численность была очень незначительной, жили они главным образом в городах⁹. В 1939 г. в Германию из Прибалтийских республик уехали почти все немцы.

Определенные изменения в национальном составе населения Прибалтики произошли во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. В период немецко-фашистской оккупации в Латвии, Эстонии и Литве погибли и были уничтожены тысячи жителей разных национальностей, в том числе особенно много евреев. Незначительная часть населения была за пределы Прибалтийских республик. По распоряжению оккупационных властей, группы русских, белорусов, украинцев были насильно переселены в Прибалтику из других временно оккупированных районов СССР (преимущественно на сельскохозяйственные работы). Сразу же после войны большинство из них возвратилось домой, но часть осталась жить в Прибалтике.

В ходе социалистических преобразований и роста промышленности начался большой приток в Литовскую, Латвийскую и Эстонскую ССР инонационального, главным образом русского, белорусского и украинского населения, что было связано с потребностями быстро развивающегося народного хозяйства в рабочей силе.

Для республик Прибалтики, как и для других республик СССР, в послевоенные годы стал характерен рост многонациональности населения, особенно городского. Это отчетливо выявляется при сопоставлении материалов переписи 1959 г. с данными предшествующих переписей населения. Достаточно сказать, что в Латвии, например, к 1959 г. русское население по сравнению с 1935 г. увеличилось более чем в 2,5 раза (с 206 тыс. до 556 тыс.), белорусское — почти в 2 раза (с 26,8 до 61 тыс.), а число украинцев, вовсе не учтенных переписью 1935 г., достигло более 29 тыс.

Сейчас почти на всех крупных предприятиях и стройках Литовской, Латвийской и Эстонской ССР трудятся рабочие многих национальностей. В Латвии, например, подлинно интернациональной стройкой коммунизма является Плявинская ГЭС. На эту стройку приехали квалифицированные рабочие (монтажники, крановщики, электросварщики и др.) из РСФСР и других республик. Вместе с латышскими строителями они составляют дружный коллектив из 26 национальностей. В г. Даугавпилсе коллектив вагоноремонтного завода состоит из представителей 15 нацио-

⁹ П. И. Кушнер (Кнышев), О национальном составе населения Латвии в 1935 г., «Труды Ин-та этнографии АН СССР», нов. серия, т. XXIII, М., 1954.

нальностей, а коллектив комбината искусственного волокна из представителей 22 национальностей. Аналогичны данные и по многим другим предприятиям Литовской, Латвийской и Эстонской ССР. В сельской местности значителен процент смешанных в национальном отношении колхозов и особенно совхозов. В новых колхозных и совхозных поселках, которые постепенно сменяют прежние хутора, живут по-соседству люди разной национальной принадлежности, что способствует их сближению в быту¹⁰.

Этнографические исследования устанавливают, что в основной массе инонациональное население Прибалтики (как старожильское, так и пришлое) сохраняет свое национальное самосознание, а часть его и родной язык. Вместе с тем, в Прибалтике и в соседних с ней областях отчетливо прослеживаются проходившие там в прошлом процессы ассимиляции и слияния, которые приводили к замене родного языка и даже к созданию своеобразных этнических групп. Из материалов Всесоюзной переписи населения 1959 г. видно, что литовцы, латыши и эстонцы в подавляющем большинстве родным языком считают язык своей национальности. В Латвийской ССР из общего числа латышей указали родным языком русский только 1,4%, эстонцы, живущие в Эстонской ССР, — 0,5%, литовцы, живущие в Литовской ССР, — 0,1%. Несколько выше этот процент у литовцев, латышей и эстонцев, проживающих за пределами своей национальной республик в других Прибалтийских республиках. Так, из общего числа эстонцев Латвийской ССР 25% считают своим родным языком русский и 12% — латышский. Из общего числа литовцев, живущих в Латвийской ССР, 18% считают своим языком латышский и 3,5% — русский.

Русское население Прибалтики в подавляющем большинстве указывает в качестве своего родного языка русский. В Эстонской ССР всего только 2% русских считают родным языком эстонский, в Латвийской ССР — 1,5% — латышский, в Литовской ССР — 0,15% — литовский.

Среди поляков, белорусов и украинцев Прибалтийских республик несовпадений в определении национальности и родного языка больше, чем у русских. Из общего числа польских жителей в Латвийской ССР 25% считают своим родным языком русский, 7,2% — латышский. В Литовской ССР подавляющее большинство поляков говорит по-польски или по-белорусски; русский в качестве родного языка указал лишь 1% поляков, литовский — 1,3%.

Среди белорусов Литовской ССР около 30% считают своим родным языком русский, 1% — литовский. В Латвийской ССР более 50% белорусов указали своим родным языком русский и 3% — латышский. Число украинцев, считающих своим родным языком русский, достигает во всех трех республиках от 50 до 60%. Большинство населения, указавшего язык другой национальности своим родным языком, живет в городах. Исключение составляет Латвийская ССР, где около 30% русского населения с латышским языком — это сельские жители.

К числу своеобразных этнических групп населения Прибалтики относятся сету — жители Печорского района Псковской области. Этнической основой этой группы, как теперь установлено, были потомки чудских и славянских племен и переселявшиеся сюда эстонцы и латгалыцы. При языковом единстве с эстонцами, сету по своему хозяйственно-бытовому укладу до последнего времени были ближе к русским, чем к эстонцам. Известное влияние на это оказала их принадлежность к православ-

¹⁰ Материалы получены авторами на предприятиях, в колхозах и райисполкомах Литовской, Латвийской и Эстонской ССР.

ной церкви, в отличие от эстонцев-лютеран. В настоящее время сету — этнографическая группа эстонского народа, с отчетливо проявляющимся эстонским самосознанием". Другая своеобразная этнографическая группа **эстонского** народа сложилась в северо-восточном районе Эстонии, на западном побережье Чудского озера (в районе Ийсаку). В ее сложении помимо эстонцев участвовали **славянского** и водско-ижорские компоненты. Там, в Причудье, протекали длительные процессы обрусения эстонцев и обэстонивания русских¹².

Аналогичные процессы проходили и в Латвии. В северо-восточной ее части есть группа населения, этнографическое изучение которой приводит к заключению, что в прошлом здесь имело место обрусение латышей и олатышивание русских, сопровождавшееся сменой родного языка и изменением национального **самосознания**. Это происходило, по-видимому, совсем недавно — еще на памяти старшего поколения современных жителей. В юго-восточной Латвии проходило обелорусивание латышей и олатышивание и ополячивание белорусов, что также привело к аналогичным явлениям.

В практике полевых работ в восточных, особенно пограничных с РСФСР и БССР районах Латвийской ССР, нам неоднократно приходилось сталкиваться со случаями несовпадения у местных жителей национального самосознания и родного языка или с наличием таких местных говоров, которые являются результатом длительного процесса смешения в бытовой речи двух и даже трех различных языков: например, латышского (в его латгальском диалекте), русского я польского или латышского, белорусского и польского (в частности, в Лудзенском и Краславском районах Латвийской ССР). В подтверждение сказанному приведем некоторые примеры. Так, представители русского населения пограничных с Латвией деревень Псковской области РСФСР отмечают обычно свое отличие от русских — старожилов Латвии (в прошлом также православных, и нередко находящихся в родственных с ними отношениях). Они подчеркивают: «Мы русские, а они поляки, мы говорим по-русски, а они латышат»¹³. В этом отношении особенно пеструю картину представляет сельское старожильческое население Краславского района Латвийской ССР, где длительное время в тесном контакте живет латышское (латгальское), белорусское & польское крестьянство. Среди населения этого района имеется группа жителей, называющих себя шуточно «белохвостики» (по вероисповеданию в прошлом католики). На вопрос, кто они по национальности, обычно слышишь такой ответ: «Мы сами не знаем кто, белорусы или поляки, или латыши. Язык наш польский. Но мы не понимаем поляков, приезжающих из Польши».

Специальные исследования начаты для освещения прошлых и современных этнических процессов в районах Вильнюса, а также в пограничных районах Литвы и Белоруссии. Перепись 1959 г. показала в этих районах значительное число жителей, назвавших себя поляками (это отражено на карте, помещенной в настоящей статье). Однако до сих пор остается еще неясным происхождение этих групп населения. Возможно, что в прошлом здесь протекала частичная полонизация литовцев и белорусов, принадлежавших к католической церкви. Это население с те-

¹¹ Е. В. Рихтер, Материальная культура сету в XIX — начале XX века (к вопросу об этнической истории сету), Москва — Таллин, 1961.

¹² А. Моога, Указ. раб.

¹³ Полевые материалы, ф. Прибалтийской экспедиции, Архив Ин-та этнографии АН СССР, 1959 г.

¹⁴ Полевые материалы, ф. Прибалтийской экспедиции, 1959.

чением времени сливалось с местными поляками (мелкая шляхта, деревенская интеллигенция, крестьяне-переселенцы из Польши).

На характере национальных отношений в Прибалтике оказались исторические судьбы ее населения (до 1917 г. вхождение в состав царской России, с 1919—20 по 1940 г. Эстония, Латвия, Литва были буржуазными республиками). Правящие классы царской России, как известно, проводили по отношению к народам Прибалтики политику национального угнетения. Правительства буржуазных республик культивировали открытый национализм, стараясь отравить им сознание трудящихся, чтобы разобщить их по национальным группам. Эта политика препятствовала развитию культурных связей и общению литовцев, латышей и эстонцев друг с другом, с соседними народами и местным инациональным населением.

Существенное влияние на этнические процессы в Прибалтике оказывали в прошлом различия в вероисповедании отдельных групп ее населения и политические факторы; случалось, что религиозная принадлежность затемняла национальное самосознание верующих. Так было, например, с некоторыми белорусами-католиками, которые считали свою веру «польской» и поэтому называли себя поляками. На определение национальной принадлежности нередко оказывали влияние и политические соображения, стремление оградить себя от последствий политики национальной дискриминации.

В условиях открытой пропаганды национализма, при ограничениях, которые были введены для инациональных жителей Прибалтики, при запрещении преподавания русского языка в школах (после 1934 г.) проходила частичная денационализация русских, белорусов и других национальных меньшинств. В Латвии, например, фашиствующей буржуазией национализм был объявлен «величайшей жизненной силой народа». На страницах буржуазной прессы звучали призывы к тому, чтобы Латвия «стала сильной своей национальной культурой и ее превосходством». Пропаганде чужой культуры предлагалось «противопоставить любовь ко всему латышскому»¹⁵. «Нашей молодежи,— говорится в другой статье,— надо продолжать борьбу за олатышивание... Молодежь, выросшая в свободном государстве (имеется в виду время после фашистского переворота в Латвии в 1934 г.— Л. Т.), свободна от предрассудков прошлого и только она сможет превратить Латвию в национально-культурную единицу со своими своеобразными традициями и со своей строго национальной идеологией. На это требуется время,—сокрушается автор,— так как перемена психики не наступает сразу»¹⁶.

В сложных условиях государственного разобщения проходили национальные процессы в Литве, часть которой находилась под властью буржуазной Польши. Там проводилась полонизация литовцев, тогда как в остальной Литве пропагандировалось их национальное превосходство над другими жителями и поляками в том числе. В буржуазных Эстонии, Латвии и Литве лицам инациональным, особенно интеллигентам, нередко приходилось менять свои фамилии на эстонские, латышские и литовские, иначе им было бы трудно поступить на работу.

Национальная рознь, разжигаемая и царским правительством, и буржуазными властями Латвии, Эстонии, Литвы и Польши, хотя и задерживала сближение разнациональных групп населения Прибалтики и соседних с ней областей, однако не могла приостановить извечные процессы их хозяйственных контактов и культурных взаимовлияний. Особенно активным было их общение в самой важной области жизни —

¹⁵ «Nationalisms — tautas stiprakais speks», газ. «Jekabpils vestnesis», 14 июня 1934.

¹⁶ «Jaunatnes nacionalie ideali», газ. «Jekabpils vestnesis», 10 августа 1939.

в хозяйстве, очень сильными были взаимовлияния в материальной культуре.

В XIX — начале XX в. обогащение прудовыми навыками и культурными ценностями шло несколькими путями. Одним из них был непосредственный контакт латышей, литовцев и эстонцев с инонациональным населением Прибалтики и соседних с ней областей России. Другим путем было общение с русскими отходниками, которые, владея тем или иным ремеслом, передавали прибалтийским крестьянам свои трудовые навыки и придавали их культуре некоторые формы, характерные для культуры русского народа (например, в жилище).

Искусными мастерами в Прибалтике считались русские плотники, печники и каменщики из местных крестьян и пришедшие из Псковской, Новгородской и Тверской губерний¹⁷. Во второй половине XIX в. эстонцы и латыши заимствовали от русских мастеров производство набивных тканей — «набойки». Русские набойщики обучали латышей и эстонцев своей профессии. В Эстонии и Латвии были хорошо известны как первоклассные мастера русские дубильщики кожи. Еще в старину (первая половина XIX в.) определенное влияние на развитие там огородничества оказали русские огородники, приходившие туда весной на весь сезон из Причудья и других районов России. Взаимовлияния шли также путем расширения торговых связей. Население Прибалтики, соседних с ней областей России и Белоруссии и даже отдаленных от нее губерний общалось на крупных ярмарках, покупало там изделия эстонских, латышских, литовских, белорусских, русских и других ремесленников. В XIX в. в эстонских деревнях, например, нередко появлялись русские коробейники — «щетинники», которые выменивали щетину на предметы галантереи — нитки, ленты, иголки, бусы. Они же торговали тканями и кумачной пряжей, которой эстонцы вышивали свою льняную одежду¹⁸.

В период господства буржуазной диктатуры в Прибалтике взаимовлияния в хозяйстве и материальной культуре происходили только в границах каждой республики и главным образом в районах, смешанных в национальном отношении. В этот период стало преобладать влияние прибалтийских народов на культуру русских, белорусских и польских групп местного населения, обратное влияние было незначительным.

В сельских местностях представители национальных меньшинств нередко заимствовали от латышей, литовцев и эстонцев новые формы жилья (планировку, строительную технику, отопительную систему и пр.). Особенно сказалось культурное влияние прибалтийских народов в распространении у русских и белорусов многоподножного тканья и узорного многоцветного вязанья.

В XIX—XX вв. в районах Прибалтики, смешанных по национальному составу, известная обособленность отдельных групп населения проявлялась главным образом в общественном и семейном быту. Редким явлением были смешанные в национальном отношении браки, стойко сохранялись различия в семейных обрядах и обычаях, иным был весь уклад жизни. Большая, чем у других групп, бытовая изолированность наблюдалась у русских старообрядцев, строго придерживавшихся обычаев старины. При буржуазном строе бытовая обособленность разнонациональных групп не только не уменьшилась, но в некоторых областях их жизни даже увеличилась в результате националистической политики правящих кругов.

¹⁷ А. Моога, Указ. раб.; см. также Полевые материалы, ф. Прибалтийской экспедиции.

¹⁸ А. Моога, Указ. раб.

В Советской Прибалтике ленинская национальная политика создала прочные основы дружбы прибалтийских народов с другими народами СССР.

В эпоху развернутого строительства -коммунизма этнические процессы в Прибалтике, как и повсюду в нашей стране, протекают в условиях полного равноправия всех народов, в условиях постоянно крепнущих культурных связей и дружбы между «ими. С ростом атеизма исчезает такое серьезное в прошлом препятствие для сближения разнорациональных групп населения, как различие в вероисповедании.

Таблица 5

Частота зарегистрированных смешанных браков (в % к теоретической вероятности)

Города	1945	1948	1958	1963
Вильнюс	42,1	44,7	48,4	53,1
Рига	—	44,8	—	54,3
Таллин	—	—	—	39,3

Для современного национального развития народов Прибалтики, соседних с ними русских и белорусов, как и для всех народов нашей Родины, характерно взаимообогащение культур. Это касается науки, профессионального искусства, литературы и наряду с ними фольклора, традиционных художественных ремесел, материальной культуры (жилище, одежда, пища и пр.), в которых различия проявлялись в прошлом особенно отчетливо. Этнографические исследования свидетельствуют, что в настоящее время культурные взаимосвязи и общение разнорационального населения Прибалтики и соседних районов БССР и РСФСР приводят в известной нивелировке многих из этих особенностей (например, в пище, отчасти в жилище и т. п.), при сохранении и развитии в материальной и духовной культуре лучших традиций латышского, литовского, эстонского, русского, белорусского, польского и других народов, традиций, становящихся их общим достоянием. К ним относится, например, художественное ремесло: керамика, вязанье, ткачество и др. Одновременно в их культуре и быту возникают и развиваются новые обычаи и особенности, характерные для всего советского народа.

В Советской Прибалтике исчезают пережитки былой обособленности в быту русского, белорусского и другого инорационального населения, ведется решительная борьба с пережитками национализма во взаимоотношениях людей. Сближению населения в быту способствует расширение сфер общения: совместный труд, общественная деятельность, участие в работе культурно-просветительных учреждений и т. п. Одним из показателей изживания прежней национальной обособленности в быту является рост числа смешанных в национальном отношении браков.

В 1964 г. впервые в практике этнографических работ нами был начат сбор массовых статистических материалов загс по однонациональным и смешанным в национальном отношении бракам.

Собранные материалы свидетельствуют о росте числа смешанных браков (в % к общему числу заключенных браков). Так, в Вильнюсе в 1945 г. их было 31,6%, в 1948 г.—34,4%, в 1958 г.—36,1%, в 1963 г.—37,6%; в Риге в 1948 г.—29,5%, в 1963 г.—35,5%. Возрастание числа смешанных браков характерно и для других населенных пунктов Прибалтийских советских республик.

В г. Даугавпилсе число смешанных браков составляло в 1964 г. 51,5%, в г. Краславе — 70%, в рабочем поселке им. Петра Стучки (Плявинская ГЭС)—63,9% и т. д. В некоторых национально смешанных сельских районах Литовской ССР число таких браков колебалось в 1963 г. от 30 до 60% к общему числу заключенных браков. Однако само по себе фактическое число смешанных браков не может еще служить достаточным показателем. Поэтому по собранным в Риге и Вильнюсе материалам была вычислена частота зарегистрированных смешанных браков в % к их теоретической вероятности¹⁹. Как видно из табл. 5. эта частота в Риге и Вильнюсе постепенно возрастает.

Собранные материалы позволяют осветить и некоторые другие вопросы, связанные с образованием новых семей, а именно: что собою представляют однонациональные браки, каков их удельный вес в общем числе зарегистрированных браков, представители каких национальностей преимущественно вступают в брак и т. д. Приведем некоторые цифры. Так, например, в Риге в 1963 г. из общего числа однонациональных браков 50% составили латышские, 39%—браки между русскими, остальные 11% однонациональных браков складывались из браков еврейских, белорусских, польских и др.

Из общего числа латышей, зарегистрировавших в Риге в 1963 г. свой брак, 80% вступили в брак с латышками, 20%—с представителями других национальностей (в 1961 г. эта цифра равнялась 14,5%).

Уместно при этом отметить, что число однонациональных латышских браков составило в Риге в этом же году 35,05% от общего числа всех зарегистрированных браков. Сопоставление статистических материалов показывает, что среди латышей нет особой разницы между числом мужчин и женщин, вступивших в брак с людьми иных национальностей. Однако на материале, представленном за ряд лет, все же выявляется, что из латышей чаще вступают в смешанные браки женщины, а не мужчины.

Анализ материалов о характере межнациональных браков свидетельствует о преобладании браков латышей с русскими. В 1963 г. в Риге они составили 60% от общего числа браков латышей с людьми иных национальностей. Остальные 40% распределяются между браками латышей с поляками, белорусами, литовцами, украинцами и др.

В Вильнюсе в 1963 г. из общего числа однонациональных браков 59% составляли браки между литовцами (17,89% от общего числа браков, заключенных в Вильнюсе в 1963 г.), 18,5% однонациональных браков были заключены русскими, 12%—поляками, остальные 10,5% белорусами, евреями, украинцами, татарами и другими. Из общего числа литовцев г. Вильнюса, вступивших в брак в 1963 г., 82,8% образовали однонациональные семьи, 17,2% литовцев вступили в брак с представителями других национальностей, преимущественно с поляками, русскими, белорусами. В отличие от Риги, в Вильнюсе сказывается большая разница брачующихся в отношении пола и национальности: литовцы-мужчины значительно меньше вступают в смешанные браки, чем женщины.

Таковы предварительные итоги начатого массового обследования. Они свидетельствуют о новых утверждающихся явлениях в семейном быту городского и сельского населения Литовской, Латвийской и Эстонской ССР, отражающих одну из важнейших сторон современных национальных взаимоотношений в Прибалтике. При заключении браков теперь уже не придается былого значения национальной принадлежности.

¹⁹ Теоретическая вероятность представляет собой произведение частот каждого явления. Если, например, в брак вступило 20% русских мужчин и 30% польских женщин, то теоретическая вероятность браков русских мужчин с польскими женщинами составляет 6% $0,2 \times 0,3 = 0,06$.

О методике вычислений будет опубликована специальная статья в ближайшем номере «Сов. этнографии».

Обследования показали также, что потеряло прежнее значение весьма серьезное в прошлом препятствие для образования семьи, а именно — различная религиозная принадлежность брачующихся. При общем активном росте атеизма в Прибалтийских советских республиках в брак вступает очень много молодых пар из семей, придерживавшихся ранее или придерживающихся и поныне различных вероисповеданий. Имеют место, например, браки между латышами-католиками и русскими-старообрядцам» или литовцами-католиками и татарами-мусульманами, между литовцами и евреями и т. д., что ранее было исключительно редким явлением.

Приведенные материалы мы «и в коей мере не считаем достаточными для более широких обобщений. Несомненно, что для этого необходимо привлечение еще более массовых статистических данных, сведенных в определенную систему и сопоставимых по разным категориям явлений. Эти данные в сочетании с этнографическими материалами иного характера помогут выявить на объективной основе общие и частные тенденции в современных национальных процессах.

Одним из методов получения статистических материалов является проведение посемейной анкеты на крупных промышленных предприятиях, в учреждениях, на стройках, в колхозах и совхозах Прибалтийских республик. Такая анкета составлена нами с учетом имеющихся уже достижений советских этнографов и социологов в этом деле. В 1965 г. в Вильнюсе на заводе сельскохозяйственных машин «Нерис» начата подготовка к проведению такой анкеты. Тогда же в качестве опыта анкета была распространена в небольшом коллективе рабочих и служащих Государственного специального конструкторского бюро Управления машиностроения (г. Вильнюс). Анкету заполнили более 90% сотрудников бюро, имеющих семьи (рабочие, инженеры, техники и др.).

Проведение анкеты в одном небольшом коллективе хотя и не позволяет сделать какие-либо выводы общего характера, но все же показывает перспективность анкетного метода в изучении современных национальных процессов. Особенно интересны полученные анкетным методом сведения о том, какой национальности считаются дети в смешанных в национальном отношении семьях, каким языком пользуются в семье и т. п. Эти сведения хорошо дополняют материалы, собранные во многих районах Латвии, Эстонии и Литвы путем личных контактов этнографов с населением (беседы в семьях, на производстве, в общественных учреждениях, в школах).

Этнографическое изучение разнонациональных групп населения Прибалтики показало, что в настоящее время определение членами семей своей национальности не всегда совпадает с их определением родного языка (об этом отчасти уже говорилось выше). Так бывает, например, в некоторых семьях, где один из супругов считает себя белорусом, другой ооляком, родным же языком называют русский, на котором они говорят друг с другом и с детьми. Случается это и в смешанных белорусско-русских, украинско-русских, белорусско-украинских семьях, а иногда в семьях украинских, и белорусских, где супруги тоже говорят по-русски, считая русский язык родным, вне зависимости от национального самосознания. Но в смешанных семьях, пожалуй, столь же часто каждый из супругов разной национальности называет родным языком тот, на котором говорили его родители, причем даже в том случае, если этим языком в семейной жизни уже не пользуются.

Для всей Прибалтики стало характерным возрастающее с каждым годом двуязычие: для общения разнонациональных групп населения, и особенно молодежи, сейчас обычно служит русский язык. Большое зна-

чение для широкого распространения русского языка имеет углубленное изучение его в школах. Теперь он уже довольно часто выступает как второй родной язык и -служит средством межнационального общения.

Дети в смешанных семьях в раннем возрасте воспринимают язык матери — родной или тот, на котором она постоянно говорит в семье. Если мать говорит с ребенком и на родном для «ее языке, и на том, что принят в разговоре с другими членами семьи,— ребенок с самого детства воспринимает оба языка как разговорные, но в дошкольном возрасте лучше овладевает именно тем языком, на котором объясняются его родители..

Оообщий интерес представляет изучение того, как решают родители вопрос об определении детей в школу с тем или иным языком преподавания. Это изучение показало, что из семей однонациональных или смешанных, где говорят по-литовски, по-латышски или по-эстонски, детей отдают преимущественно в соответствующие школы — литовскую, латышскую «ли эстонскую. В семьях с русским языком предпочтение отдается русской школе, если в семье говорят по-польски — детей чаще всего отдают в польскую школу. Белорусы и украинцы обычно учат своих детей в русской школе, считая русский язык наиболее им близким или родным. В Литве есть семьи польские по национальному самосознанию родителей, но с -белорусским языком их общения. Из этих семей детей также отдают обычно в русскую школу. Случается, однако, что из таких семей детей определяют не в русскую, а в польскую школу. Там дети в совершенстве овладевают польским языком, но дома по-прежнему говорят со своими родителями-поляками по-белорусски.

Для настоящего времени знаменательны самые разные отклонения от обычных, преобладающих решений такого важного вопроса, как определение детей в школу. Так, например, в Литве из семей однонациональных литовских или смешанных, но с литовским языком, детей иногда отдают в русскую школу, где они учатся 4 года и хорошо овладевают русским. После этого их переводят в литовскую школу. Родители-поляки нередко отдают детей в литовскую или русскую школу, считая, что там они лучше, чем в польской, изучат эти языки и в дальнейшем не будут иметь трудностей при обучении в средних и высших учебных заведениях, где преподавание ведется, как правило, по-литовски или по-русски. Случается иногда и так, что главную роль в решении вопроса играют чисто практические соображения: ребенка отдают в ту школу, которая ближе к дому, а когда он подрастает, переводят его в школу с обучением на языке, принятом в семье.

В смешанных в национальном отношении семьях потерял прежнюю остроту вопрос об определении родителями национальности детей. Нередко дети из смешанных семей, согласно местной традиции, считаются той же национальности, что отец, причем даже я тогда, когда в семье говорят не на его родном языке и дети этого языка не знают. И в таких семьях, где, например, отец—белорус или украинец — называет своим родным языком русский язык, зачастую определяют национальность детей тоже *чю* отцу. Значительно реже в семьях решают этот вопрос в зависимости от национальной принадлежности матери. Впрочем, бывает и так, что при получении паспорта молодой человек определяет свою национальность иначе, чем это сделали ранее его родители. Показательно, что это решение, как правило, не вызывает возражений с их стороны.

Возможность свободного определения своей национальной принадлежности, гане зависимости от каких-либо практических соображений — одно из неперемьных условий изживания пережитков национализма в сознании людей. Активное общение разнонационального населения Прибалтики в сфере труда, общественной деятельности и быта создает прочные

основы для его дальнейшего сближения и культурного взаимообогащения.

В настоящей статье затронуты лишь некоторые стороны современных национальных процессов в Литовской, Латвийской и Эстонской ССР и, в частности, сделана попытка раскрыть характер национальных взаимоотношений между литовцами, латышами и эстонцами — с одной стороны и инонациональным населением этих республик, — с друлж. Специальную и весьма обширную область, пока еще почти совершенно не затронутую этнографическим исследованием, составляют современные национальные отношения собственно между литовцами, латышами и эстонцами, а также национальные отношения народов Прибалтики со многими другими народами Советского Союза. Некоторые сведения об этом в краткой обобщенной форме приведены в очерках «Литовцы», «Латыши», «Эстонцы» тома «Народы Европейской части СССР», II (серии «Народы мира. Этнографические очерки»), а также в передовой статье журнала № 4 «Советская этнография» за 1965 год (в ней использованы и материалы авторов настоящей статьи). В связи с отмечавшимся в июле 1965 г. 25-летним юбилеем Литовской, Латвийской и Эстонской ССР проблемам национальных взаимоотношений и культурных связей отводилось значительное место и в периодической печати. В республиканских журналах «Коммунист», «Советская Литва», «Советская Латвия», «Советская Эстония» помещены яркие материалы, свидетельствующие о прочных, дружественных связях и различных формах общения между народами Прибалтики и другими народами Советского Союза в производстве, в общественно-культурной жизни и в быту. Эти материалы могут быть использованы при дальнейшем планомерном этнографическом изучении поставленных проблем.

SUMMARY

The article deals with studies of the ethnic processes in Estonia, Latvia and Lithuania. The authors have drawn on field and archive materials and on literature to show the specific national development of the Baltic peoples in the past and in our time. The accompanying map graphically shows that in each of the Baltic republics the numerically strongest nation is territorially distributed rather compactly. Other numerically strong nationalities — the Russians, Poles and Byelorussians — form solid groups mostly in the eastern part of the Baltic and in the larger towns. The population, particularly the urban population, in the Baltic Republics, is multinational and evinces a tendency to grow more so. Basing themselves on available materials on the minor national groups in the Baltic, the authors have been able to single out several groups that came to the territory at different periods. These groups have in large measure preserved their national awareness and native language. The authors also describe the assimilation and amalgamation processes that originated in the Baltic, long ago and resulted in the emergence of some specific ethnic groups.

Concrete material is used to trace the cultural interconnection between the different national groups in Latvia, Estonia and Lithuania and the contiguous areas. Growing intermarriage is considered to be important evidence of the overcoming of the former isolation of national groups in the Baltic. Intermarriage statistics were collected by the authors at registration offices in the Baltic cities.

Special attention is given to methods of studying contemporary ethnic processes and national interrelations — specifically to distributing family questionnaires among the urban and rural population.